

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

И. С. Кон

ПРОБЛЕМА ДЕТСТВА В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОПСИХОЛОГИИ

(ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ БЕАТРИСЫ И ДЖОНА УАЙТИНГ)

Мир детства всегда представлял громадный интерес для этнографов. Уже самые ранние этнографические исследования обычно содержали в себе описание способов воспитания и обучения детей в данном обществе, характера их взаимоотношений со взрослыми и друг с другом, типов возрастной стратификации, обрядов перехода из одной возрастной стадии в другую и т. д. В дальнейшем эта проблематика дифференцировалась. Одни авторы изучают детство в связи с системой возрастных классов и групп первобытного общества, другие — в связи со структурой семьи, третьи — в связи с принятой в данной культуре периодизацией индивидуального жизненного пути, отраженной в языке (возрастные категории) и специфических обрядах перехода, четвертые — в связи с теорией инициации, пятые — в связи с проблемой формирования и закрепления этноспецифических черт личности (национального характера), шестые — в связи с процессами взаимодействия различных институтов социализации и межпоколенной трансмиссии культуры.

Эти проблемы существенно отличны друг от друга. Изучение детства и юности как нормативных возрастных категорий, этапов, на которые условно подразделяется жизненный путь, совсем не то же самое, что исследование возрастно-специфической деятельности (например, детских игр) или принятых в данной культуре способов ухода за младенцами. Однако разные аспекты этнографического изучения детства тесно связаны друг с другом и взаимодополняемы. И, что особенно важно, все они вместе и каждый в отдельности являются по самой сути своей междисциплинарными. Этнографическое изучение возрастных категорий невозможно без помощи лингвистики и семиотики, исследование возрастной стратификации — без участия социологии и демографии, анализ этноспецифических форм социализации — без помощи психологии, социологии и истории. Но и эти дисциплины в свою очередь не могут обойтись без этнографии, дающей им не только необычайно широкий и богатый круг источников, но также методы и критерии сопоставления данных, относящихся к разным культурам. Ведь никто, кроме этнографов, не изучает этнос как целое.

В американской этнографии интерес к проблемам детства и сравнительному изучению процессов социализации первоначально возник под влиянием фрейдистской теории «культуры и личности», пытавшейся вывести специфическую для каждого данного этноса «базовую структуру личности» из характерных для него способов ухода за младенцами. Однако механицизм этой концепции вызвал острую теоретико-методологическую критику, в том числе марксистскую¹. Критика эта шла по двум основным линиям. С одной стороны, возражения вызывала идея о существовании единого «базового типа личности», характерного для всех представителей данной культуры, и тем более воз-

¹ См., в частности: Ю. П. Аверкиева. О некоторых этнопсихологических исследованиях в США. — «Современная американская этнография». М., 1963; Э. В. Соколов. Современный неопрейдизм и проблема социального характера. — «Философские исследования» («Ученые записки Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 365), Л., 1968; *его же*. Культура и личность. Л., 1972; И. С. Кон. К проблеме национального характера. — «История и психология». М., 1971; Л. Сэв. Марксизм и теория личности. М., 1972.

возможность его выведения из способов первоначального ухода за младенцем. С другой стороны, сам полевой материал вызывал сомнение: поведение и психологические реакции людей описывались и интерпретировались по субъективным впечатлениям исследователей, а нередко широкие обобщения основывались целиком на вторичном анализе данных, собранных первоначально для других целей и под другим углом зрения. При этом очень трудно разграничить: 1) принятые в культуре нормативно-идеологические представления о ребенке и способах его воспитания, 2) представления и стереотипы бытового, обыденного сознания, которые могут существенно отличаться от культурных норм, и 3) то, что психологи называют «открытым поведением», т. е. поступки, поддающиеся внешнему наблюдению (с кем общается ребенок, кто и как за ним ухаживает и т. п.).

Осознание этих трудностей, расширение тематики и усложнение методов исследования вызвали к жизни массу новых исследований, проводимых параллельно (а в некоторых случаях и совместно) социологами, психологами и этнографами². Крупнейшее из этих исследований — начатый в 1954 г. под руководством профессоров Гарвардского университета Беатрисы и Джона Уайтингов «Проект шести культур». Его результаты отражены в целой серии публикаций, важнейшая из которых, девятая по счету, «Дети шести культур. Психокультурный анализ», появилась в 1975 г.³ (в дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте).

Исследование Уайтингов с самого начала было задумано одновременно как этнографическое и сравнительно-психологическое. Необходимость такого подхода была осознана давно. Общеизвестно, что поведение детей (как и вырастающее из него поведение взрослых людей) зависит, с одной стороны, от особенностей общества, культуры, системы воспитания, а с другой — от пола, возраста и других естественных характеристик индивида. Но каково соотношение этих двух групп переменных?

Джон Уайтинг и Ирвин Чайлд⁴ на широком сравнительном материале проследили связь между способами воспитания ребенка и личностью взрослого человека, представления о свойствах которой своеобразно отражаются в народной медицине соответствующего общества; они исходили из теорий классического психоанализа. В отличие от других работ в русле теории «культуры и личности» Уайтинг и Чайлд строили свое исследование на сравнительном анализе 75 обществ, по которым они располагали сведениями, с одной стороны, о воспитании, а с другой — о болезнях и методах их лечения. Статистически сравнивая эти две группы переменных (строгость в отношении орального, анального, сексуального и т. д. поведения ребенка и характерное для данной культуры объяснение причин различных болезней), исследователи пытались получить связную картину соотношения «положительных» и «отрицательных» фиксаций. Однако из 10 первоначальных гипотез только 4 статистически подтвердились. Уайтинг позднее объяснял это как теоретическими, так и методическими просчетами: недостаточными и зачастую недостоверными были первичные данные; не была предусмотрена возможность внутрикультурных вариаций; презумпция межпоколенной стабильности не учитывала того, что в ряде случаев отношение человека к болезни может отражать способ социализации, характерный для предыдущего поколения; не было автономного измерения личностных черт, необходимого для проверки суждений, основанных на культурных стереотипах (народная медицина)⁵. Отсюда — поиск новой, более совершенной мето-

² Среди англо-американских работ обзорного характера, с обширной библиографией, наиболее важны: E. Zigler and I. I. Child. Socialization. — «The handbook of social psychology», v. 3, ch. 24, Reading, Mass., 1968; G. A. De Vos and A. E. Hippler. Cultural psychology: comparative studies of human behavior. — Там же, т. 4, гл. 33; A. Inkeles and D. J. Levinson. National character: the study of modal personality and sociocultural systems. — Там же, т. 4, гл. 34; R. A. Le Vine. Culture, personality and socialization: an evolutionary view. — «Handbook of socialization theory and research». Chicago, 1969, ch. 8; *его же*. Cross-cultural study in child psychology. — «Carmichael's Manual of Child Psychology». N. Y., 1970, v. 2, ch. 26; R. D. Hess. Social class and ethnic influences upon socialization. — Там же, гл. 25; E. Bourguignon. Psychological anthropology. — «Handbook of social and cultural anthropology». Chicago, 1973, ch. 25; R. H. Robbins. Identity, culture and behavior. — Там же, гл. 27; F. O. Gearing. Anthropology and education. — Там же, гл. 28.

³ B. W. Whiting and J. W. M. Whiting in collaboration with R. Longabaugh. Children of six cultures. A psycho-cultural analysis. Cambridge, Mass., 1975.

⁴ J. W. M. Whiting and I. L. Child. Child training and personality. New Haven, 1953.

⁵ J. W. M. Whiting a. o. Field guide for a study of socialization. — «Six cultures series», vol. 1. N. Y., 1966, p. VII—VIII.

логии и техники сбора первичных данных, в разработке которой наряду с этнологами участвовали крупные психологи (Роберт Снерс, Элинор Маккоби).

Оригинальность замысла «Проекта шести культур» заключалась в том, что он совмещал внутрикультурный и межкультурный подходы: одни и те же дети сравниваются как с другими детьми той же общины, так и с детьми из других культур. Это имеет принципиальное значение. Психологические исследования в прошлом, как правило, ограничивались фиксацией различий между разными выборками детей в рамках одной и той же культуры. Чаще всего измерялись такие факторы, как пол, возраст, старшинство (порядок рождения) и особенности воспитания, которые, как полагают психологи, влияют на способности, личность и поведение. Сопоставить эти внутрикультурные данные с межкультурными, отражающими особенности детства и воспитания у разных социальных слоев и классов одного и того же общества или в разных обществах, было очень трудно; эти два типа исследований практически не пересекались.

Совмещение внутрикультурного и межкультурного подходов необычайно расширяет перспективы исследования. Но оно создает и большие трудности, поскольку сравниваются одновременно и разные культуры (общества) и дети, поведение которых непосредственно изучается. Это требует учета множества переменных (табл. 1). Первая сле-

Т а б л и ц а 1

Модель психокультурного исследования *			
Среда	Системы поддержания жизни	Взрослый индивид	Проективные и экспрессивные системы
Климат Флора Фауна Ландшафт ↓ История Миграции Заемствования → Изобретения	Способы добывания средств к существованию Средства производства Тип поселения Социальная структура Системы защиты Право и социальный контроль Разделение труда	Приобретенные свойства Стиль поведения Навыки и способности Иерархия ценностей Конфликты Защитные механизмы	Религия Магические верования Ритуалы и церемонии Искусство и развлечения Игры Уровень преступности
	Среда обучения ребенка	Врожденные свойства	Уровень самоубийств
	Занимаемые места	Потребности	
	Воспитатели и учителя	Влечения	
	Поставленные задачи	Задатки	
	Трудовая нагрузка матери	Младенец	

* B. W. Whiting and J. W. M. Whiting. Указ. раб., с. XVI.

ва колонка по вертикали описывает природные условия и некоторые элементы истории изучаемого общества, вторая — его материальную жизнь и социальную структуру, третья, расположенная ниже, — характерные для него способы воспитания ребенка, четвертая — некоторые свойства личности, формирующейся в этих условиях, и пятая — символические системы и другие элементы духовной культуры. С первого же взгляда очевидно, что вся эта схема в целом и каждый ее элемент в отдельности не отличаются ни теоретической строгостью, ни полнотой. Но поскольку авторы и сами понимают условность, а отчасти и произвольность своей схемы, не будем тратить времени на ее разбор и перейдем к рассмотрению содержания исследования.

Первая задача, ставшая перед учеными, заключалась в выборе подлежащих исследованию культур (обществ). В конечном итоге Уайтинги остановили свой выбор

на шести общинах⁶ в разных частях земного шара, но так, чтобы все обследованные семьи были крестьянскими (исключение составляет Очед-таун в США). Отдельная группа исследователей обследовала каждую из этих шести общин: 1) Тайра на Окинаве (Япония), 2) Таронг на Филиппинах, 3) Халапур в штате Уттар-Прадеш (Индия), 4) Ньянсонго, скотоводческая община племени гузии (Кения), 5) Хукстла-хуака — индейская деревня в горах Мексики и 6) Очед-таун — городок в Новой Англии (США). Было сделано подробное этнографическое описание этих общин, включая типичный для них образ жизни и способы воспитания детей⁷.

Затем для систематического наблюдения было выбрано от 16 до 24 детей на каждую общину, всего 67 мальчиков и 67 девочек от 3 до 11 лет, которые в ходе анализа были разбиты на четыре половозрастные группы: младшие мальчики (3—6 лет), старшие мальчики (7—11 лет) и две группы девочек тех же возрастов. Объектом изучения было социальное поведение детей в естественных условиях их жизни, т. е. взаимодействие ребенка с другими людьми, детьми или взрослыми. Длительность одного периода наблюдения была заранее ограничена 5 минутами. До начала систематического наблюдения исследователи тщательно изучили и закодировали обстановку и круг общения каждого ребенка. Чтобы ослабить влияние случайных факторов (вроде болезни или смены настроения), поведение ребенка фиксировалось не чаще одного раза в день, а в общей сложности каждого ребенка наблюдали не менее 14 раз (т. е. 70 минут) на протяжении периода от нескольких месяцев до года. В протоколах фиксировалось место действия (дом или двор; прилегающее к дому пространство или сад; школа; другие общественные места); ситуации, в которых присутствовал взрослый (любой взрослый, мать, отец или бабушка); ситуации, в которых участвовали только дети того же пола, что и наблюдаемый ребенок (члены семьи, соседи-родственники, посторонние, группы детей одного пола); преобладающий вид деятельности (игра, случайное взаимодействие, труд, учение); размеры групп, в которых участвовал наблюдаемый ребенок.

Само собой понятно, что исследователей интересовали не отдельные поведенческие акты-интеракции (их было зафиксировано без малого 20 тысяч — 150 интеракций на ребенка), а то, как в них проявляются такие общие транскультурные свойства и процессы, как заботливость, дружелюбие, доминантность, агрессивность, ответственность, самостоятельность и какие факторы им сопутствуют. Всего удалось закодировать около 10 тысяч интеракций, которые в результате последовательного многоступенчатого анализа и обобщения (с применением ЭВМ) были сведены к 12 основным типам действия. Ребенок: 1) поступает дружелюбно, 2) оскорбляет, 3) предлагает помощь, 4) выговаривает, делает замечание, 5) предлагает поддержку, 6) ищет господства, преобладания, 7) ищет помощи, 8) ищет внимания, 9) ответственно предлагает, советует, 10) дружески, условно нападает (мальчишеская возня в отличие от настоящей драки), 11) дотрагивается до другого, 12) нападает.

При всей условности этой типологии она не является совершенно произвольной; за каждым типом действия стоит определенный набор эмпирических индикаторов, оцененных квалифицированными экспертами. Поэтому сопоставление закодированных таким образом типов поведения с полом, возрастом и культурой представляется весьма интересным как с этнологической, так и с психологической точек зрения.

В отличие от первых работ Уайтингов, базировавшихся в основном на психоанализе, в «Исследовании шести культур» они исходят из нескольких разных теоретических ориентаций (стр. 6—8). Одни положения заимствованы ими из теории научения (learning theory), сформулированной К. Халлом, Н. Миллером и Д. Доллардом: 1. Поведение вызывается стремлениями (импульсами), которые могут быть врожденными,

⁶ Слово «община» (community) употребляется здесь и далее не в историко-этнографическом смысле как определенная форма социальной организации, соответствующая определенному этапу развития общества (первобытная община, сельская община и т. д.), а в формально-социологическом значении, как общность людей, компактно проживающих на определенной ограниченной территории, в пределах которой они удовлетворяют значительную часть своих повседневных нужд, благодаря системе отношений взаимозависимости. В результате совместной жизни и взаимозависимости у них складывается какое-то групповое самосознание. Общиной в этом смысле можно считать и деревню, и маленький город, и городской микрорайон.

⁷ Эти описания опубликованы в кн.: B. B. Whiting (ed.) Six cultures: studies of child rearing. N. Y., 1963.

как голод, жажда или боль. 2. Специфическая реакция ребенка в данной ситуации, будучи вызвана таким импульсом, детерминируется опытом, полученным ребенком прежде в подобной ситуации; реакция, в прошлом способствовавшая удовлетворению импульса (поощрение), возникает с большей вероятностью, чем та, которая была безуспешной. Ослабление импульса в результате его удовлетворения подкрепляет реакцию, неудача способствует ее затуханию. 3. Наказание (причинение боли) побуждает ребенка избегать соответствующей ситуации (в отличие от мнения классического бихевиоризма, считающего наказание просто отрицательным подкреплением). 4. Реакции, которые оказываются успешными иногда, но не всегда, усиливают общее состояние напряжения и, следовательно, расширяют амплитуду потенциально возможных реакций. 5. Сходные ситуации склонны вызывать сходные реакции, поэтому вероятность той или иной реакции зависит от сходства ситуаций; например, ребенок, забота которого о младшем брате или сестре была подкреплена, будет склонен заботиться и о других малышах.

Другие послышки были заимствованы из теории социального научения (*social learning theory*): 1. Подкрепление может быть внешним, например в виде поощрения или наказания, осуществляемого агентом социализации, воспитателем, или внутренним, коренящимся в природе самого выполняемого действия (слушать детский плач неприятно, поэтому ребенок может успокаивать младенца независимо от того, поощряется ли это старшими). 2. Дети подражают поведению тех, кто их социализирует, и идентифицируются с ними. Степень этой идентификации зависит не только от объективной значимости социализирующего лица, но и от того, как ребенок воспринимает эту значимость и степень своей зависимости от этого лица. В большинстве культур мать воспринимается в этом отношении как более заметная и влиятельная фигура и является поэтому привилегированным кандидатом для идентификации и подражания. Значение и власть отца воспринимаются ребенком в разных культурах по-разному.

Наконец, ряд гипотез был выведен из прошлых межкультурных исследований социализации и ухода за детьми:

1. Дети, воспитываемые в «полигинных домохозяйствах» или домохозяйствах, где мужчины спят отдельно от своих жен, имеют мало контактов со своими отцами в первые два года жизни. Они считают свою мать главным распределителем благ и идентифицируются с нею. В «патриархальных обществах», где главенство принадлежит мужчинам, это порождает у мальчиков определенный конфликт по поводу их половой идентичности и вызывает у них агрессивный «маскулинный протест». Напротив, в моногамных малых семьях, где отец повседневно, органически участвует в домашней жизни, мальчики идентифицируются с отцами в более раннем возрасте и поэтому испытывают меньшую потребность быть агрессивными.

2. Дети, воспитанные в домохозяйствах, где мать имеет мало экономических или церемониальных обязанностей, не подвергаются социализирующему давлению в столь же раннем возрасте, как те, у которых мать имеет много таких обязанностей. Став взрослыми, эти дети будут больше доверять другим людям и станут более общительными.

3. В больших семьях или в семьях, включающих двух взрослых женщин, к младенцам относятся более снисходительно.

4. В обществах, имеющих значительную собственность и избыточный продукт, от детей ожидают большего послушания и ответственности, чем в обществе, где люди имеют меньше собственности.

5. В больших семейных домохозяйствах детей строже наказывают за проявления агрессивности, чем в малых моногамных семьях.

Очевидно, и сами авторы признают, что такой перечень не образует стройной теоретической системы. Часть гипотез дедуцирована из специальных, причем не всегда согласующихся друг с другом, психологических теорий. Другие суть лишь эмпирические обобщения прошлых этнологических исследований. Экстраполяция выводов этих исследований требует доказательства, да и сами термины, в которых они формулируются, не всегда определены. Можно ли, к примеру, обсуждать проблему взаимосвязи между накоплением собственности и формированием чувства дисциплины и ответственности у детей, не учитывая природы этой собственности (общественная, частная, личная), ее происхождения и приписываемого ей символического значения? Кроме того, в классовом обществе всегда имеются разные по богатству семьи.

Неопределенность общих исходных позиций «психологической антропологии» характерна и для «Исследования шести культур» Уайтингов. Сопоставляя поведение детей в разных культурах, они нуждались в двух разных системах типологизации. С одной стороны, это психологическая классификация поступков, интеракций наблюдаемых детей, с другой — социологическая классификация сравниваемых культур.

С первой задачей исследователи справились сравнительно легко. Уже простое сопоставление степени распространенности каждого из закодированных 12 типов поведения показало существенные межкультурные различия. В ходе дальнейшего анализа социальное поведение детей типологизировалось с помощью шкалы по двум независимым осям. Шкала А построена на противопоставлении заботливости (поступки типа «предлагает помощь» и «предлагает поддержку») и ответственности («ответственно советует») на одном полюсе и зависимости («ищет помощи» и «ищет внимания») и доминантности («ищет господства») — на другом. Шкала Б противопоставляет дружелюбно-теплое поведение (преобладание поступков типа «действует дружелюбно», «нападает дружелюбно» и «прикасается») авторитарно-агрессивному («выговаривает» и «нападает»); поведение типа «оскорбляет» оказалось невозможно причислить ни к одному из полюсов, поэтому оно было исключено из дальнейшего анализа).

Сложнее оказалось с типологизацией культур. Уайтинги взяли здесь два принципа деления: степень социальной и культурной сложности общества и структуру домохозяйства. Степень сложности общества складывается у них из нескольких показателей: уровня профессиональной специализации (разделение труда), дифференциации типов поселения, степени политической централизации, социальной стратификации и религиозной специализации. Изученные шесть культур делятся таким образом на два типа: простые, т. е. имеющие низкий средний балл по всем этим измерениям (такowymi оказались Ньянсонго, Хукстла-хуака и Таронг), и сложные (Очед-таун, Халапур и Тайра). Структура домохозяйства определяется тем, лежит ли в его основе малая (нуклеарная) или большая семья; к первому типу принадлежат Очед-таун, Хукстла-хуака и Таронг, ко второму — Тайра, Халапур и Ньянсонго.

Факторный анализ показал, что оба эти измерения — степень сложности социально-экономической системы и структура домохозяйства — значимо коррелируют с социальным поведением детей. Дети, воспитанные в сложных культурах, имеют более высокие показатели по шкале зависимости-доминантности и более низкие — по шкале заботливости-ответственности, нежели дети, воспитанные в простых культурах. В то же время дети, воспитанные в обществах с идеально-нуклеарной структурой домохозяйства, кажутся более дружелюбно-теплыми и менее авторитарно-агрессивными, чем дети, воспитанные там, где малая семья не составляет основы домохозяйства. Этот вывод наглядно представлен на табл. 2.

Но чем определяется и насколько универсальна такая зависимость? Деление обществ на простые и сложные, основанное на механическом усреднении степени дифференцированности разных сфер социальной деятельности, является слишком абстрактным и упрощенным, оно не позволяет понять специфичность данного социального организма в его целостности. В. И. Ленин в полемике с Н. К. Михайловским отмечал, что понятие социальной дифференциации слишком абстрактно и формально, чтобы можно было основать на нем конкретно-историческую типологию обществ⁸. Это относится и к «Исследованию шести культур» Уайтингов. Различия отношений, основанных на конкуренции или на взаимопомощи, с которыми Уайтинги связывают преобладание того или иного типа воспитания, производны не столько от степени формальной простоты или сложности соответствующей социальной структуры, сколько от характера господствующих в этом обществе производственных отношений, составляющих основу его образа жизни.

Очед-таун — это пример не просто «сложной» общины, но общины капиталистической. Сами семьи в нем социально дифференцированы. Непосредственное общение и взаимодействие людей внутри общины во многом определяется характером общественных отношений на макросоциальном, или «социетальном», как выражаются социологи, уровне (т. е. на уровне целостного общества). Это касается и процессов социализации. Можно, вероятно, без большого труда найти советский городок, который был бы по

⁸ См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, с. 392, 393.

Таблица 2

Схема, располагающая шесть культур по типу культуры
и по двум измерениям социального поведения *

Структура домохозяйства			
Социально-экономическая система	Простая	Ненуклеарная	Нуклеарная
		Ньянсонго	Таронг Хукстла-хуака
	Сложная	Халапур	Очед-таун
		Тайра	
		Авторитарно-агрессивный	Дружественно-теплый
	Поведенческое измерение Б		

* B. W. Whiting and J. W. M. Whiting. Указ. раб., с. 128.

своим экологическим характеристикам, составу населения похож на Очед-таун. Однако различия общественного строя и господствующих ценностных ориентаций, включая представления о целях и задачах воспитания детей, неизбежно будут сказываться и в конкретных взаимоотношениях детей и взрослых. Это необходимо учитывать в любых межкультурных сопоставлениях, в том числе и этнопсихологических.

Недостаточная конкретность и глубина социально-экономического анализа, характерная для работы Уайтингов, как, впрочем, и для других «психокультурных» исследований, снижает ее ценность. Тем не менее «Исследование шести культур» содержит очень важную научную информацию. Уайтинги ясно понимают, что общность некоторых черт поведения всех детей определенной культуры не исключает внутрикультурных индивидуальных различий. Несмотря на крайне малую выборку, американские ученые показывают, что такие вариации существуют и, следовательно, тип культуры определяет индивидуальное поведение только через многократное опосредование.

Из универсальных биосоциальных факторов, исследованных Уайтингами, особенно важны возрастные и половые различия. Остановимся только на вторых. Проблема объяснения наблюдаемых различий в поведении мужчин и женщин находится сейчас в центре внимания многих наук. С одной стороны, эти различия связывают с биологически универсальным половым диморфизмом, с другой стороны — с исторически сложившейся и этноспецифической дифференциацией мужских и женских социальных ролей. Однако достоверных фактов на этот счет мало⁹, поэтому данные Уайтингов представляют значительную ценность.

⁹ Критический обзор и обобщение соответствующих исследований см.: E. E. Maccoby (ed.). The development of sex differences. Stanford, California, 1966; E. E. Maccoby and C. N. Jacklin. The psychology of sex differences. Stanford, California, 1974.

При всех различиях между культурами девочки 3—6 лет имеют более высокие показатели, чем мальчики, по таким качествам, как зависимость и эмоциональная теплота отношений. У 7—11-летних детей эта разница исчезает. Что касается «заботливости», то в младшем возрасте половых различий по этой черте не наблюдается, но в 7—11 лет девочки значительно опережают в этом отношении мальчиков. По гнездам «агрессивность» и «доминантность-зависимость» у мальчиков показатели большей частью выше, чем у девочек (только в Ньянсонго девочки 7—11 лет показали более высокий уровень агрессивности). Напротив, дружественное и просоциальное поведение не связано с полом и зависит скорее от возраста — в этом, как и во многих других отношениях, девочки развиваются быстрее мальчиков. В общем девочки кажутся более теплыми и зависимыми, чем мальчики, но эти различия статистически значимы только для 3—6-летних; девочки также более заботливы, особенно в 7—11 лет. Напротив, для мальчиков характерны большая доминантность и особенно большая агрессивность.

Чем объясняются эти различия, Уайтинги не берутся решать. Более высокие показатели у 3—6-летних девочек по поведению типа «ищет помощи» и «прикасается», возможно, связаны с тем, что от них не так настойчиво, как от мальчиков, требуют оставить эти привычки, которые в раннем детстве характерны для всех детей, независимо от их половой принадлежности. Более высокие показатели у мальчиков этого возраста по поступкам типа «добивается господства» и «нападает» отражают меньшее социализирующее давление на них в этом отношении, чем на девочек, или даже поощрение такого поведения, соответствующего транскультурным стереотипам маскулинности. Однако это может быть и следствием врожденных половых различий. Беатриса Уайтинг уже раньше высказывала мысль, что поведение, связанное с прикосновением к другому, у девочек, и силовая игра, возня — у мальчиков, вероятнее всего, являются врожденными альтернативными способами поиска и предложения физического контакта; их половая дифференциация у людей та же, что и у молодых животных¹⁰.

«Поиск помощи», более частый у девочек, а также «поиск внимания» и «поиск господства», более частые у мальчиков, могут быть альтернативными способами заставить других удовлетворить эгоистическую потребность ребенка в опеке, зависимости. Характерно, что у девочек частота такого поведения снижается по мере того, как усиливается их заботливость о других, которая отрицательно коррелирует с эгоистическим поведением типа «ищет помощи», «ищет господства» и «ищет внимания».

В старших возрастах, продолжают Уайтинги, разница между мальчиками и девочками кажется скорее воспитанной, чем врожденной. Трудно сказать, создается ли эта разница с помощью непосредственного обучения или специфического распределения заданий, или путем идентификации ребенка с взрослой мужской и женской ролевой моделью.

Поскольку во всех шести культурах девочкам чаще, чем мальчикам, поручают ухаживать за младшими сиблингами, они совершают больше поступков, оцениваемых как «проявление заботливости». Этому способствует также «ролевое моделирование». Во всех шести общинах девочки проводят с матерями больше времени, чем мальчики. Они значительно больше мальчиков заняты уборкой дома, приготовлением пищи и другими домашними делами, осуществляемыми под присмотром и руководством матерей. Целью этой домашней работы является большей частью благополучие других членов семьи, поэтому, выполняя ее, девочки приучаются предвосхищать и удовлетворять нужды других — поведение, которое исследователи называют «заботливым». То, что это действительно влияет на социальное поведение детей, доказывается и исследованием К. Эмбер в Кении¹¹. Было замечено, что мальчики, не имеющие сестер соответствующего возраста и потому вынужденные выполнять больше домашних обязанностей, были во всех ситуациях менее доминантными и агрессивными, чем их сверстники.

Короче говоря, во всех шести культурах обучающая и социализирующая среда девочек и мальчиков, вытекающая из дифференциации половых ролей, различна, и это сказывается на характере и поведении детей. Довольно интересны и данные о том, как

¹⁰ B. W. Whiting and C. Edwards. A cross-cultural analysis of sex differences in the behavior of children aged three through eleven.— *Journal of social psychology*. v. 91, 1973, p. 171—188.

¹¹ См.: C. Ember. Female task assignment and the social behavior of boys.— *Ethos*, v. 1, 1973, p. 424—439.

варьирует в разных культурах социальное поведение детей по отношению к равным субъектам: родителям, сверстникам, младшим.

Двойственный — этносоциологический и этнопсихологический — характер исследования Уайтингов делает необходимой и двойную интерпретацию данных. На социологическом уровне анализа социальное поведение детей рассматривается как подготовка к будущим взрослым социальным ролям. Психологические типы и различия в способах социализации сводятся при этом, в последнем счете, к различиям социальных структур.

«Предложение помощи и поддержки», по мнению Уайтингов, особенно существенно для людей, живущих в более простых обществах, основанных на родстве и соседской взаимопомощи; хвастовство и доминантность здесь неуместны, что сказывается и на воспитании детей. В более сложных обществах, где родственники и соседи воспринимаются скорее как конкуренты, чем как люди, которых нужно поддерживать, хвастовство и эгоистическая доминантность проявляются чаще и кажутся более уместными, чем предложение помощи и поддержки.

Не менее важна для формирования характера структура семьи. Чтобы глава патриархальной большой семьи мог осуществлять власть над своими взрослыми сыновьями и их семьями, он должен заблаговременно научиться не стесняться в выражении агрессии, и приобретенное в детстве искусство командования младшими сиблингами будет ему весьма полезно. Конфликтные интересы трех поколений делают неформальные и теплые отношения затруднительными, особенно если все живут в одном домохозяйстве. Независимая малая семья, в которой муж и жена живут вместе со своими детьми, требует гораздо менее авторитарной структуры; теплые и неформальные отношения проявляются здесь, в частности, в том, что родители спят и едят совместно с детьми, при отсутствии за столом или в спальне других взрослых. Правила надлежущего взрослого социального поведения, диктуемые социально-экономическими и семейными структурами, воплощаются, таким образом, в ценностной системе культуры, которая передается детям посредством воспитания (стр. 178).

Но Уайтинги не отказываются и от психологического объяснения фактов. Каковы главные детерминанты поведения ребенка? — спрашивал Джон Уайтинг в 1958 г. Представители генетической психологии Гезелл и Пиаже говорят, что для того чтобы предсказать поведение ребенка, самое важное — знать его возраст или уровень развития. Фрейд и его последователи считают важнейшей детерминантой поведения ребенка его отношения с отцом и матерью. Представители теории научения настаивают, что важнее всего знать, какие поощрения и наказания получал ребенок за подобное поведение раньше. Курт Левин и его школа полагают, что важнее всего знать ситуацию, т. е. обстановку и мотивы поведения. Этнографы же подчеркивают, что поведение ребенка нельзя предсказать, не зная, членом какого общества он является. «Мы подозреваем, что есть доля истины в каждой из этих позиций. Кроме того, мы добавили бы еще один фактор, возможно, имеющий значение, а именно — пол ребенка» (стр. 164).

Многомерность и сложность изучаемых процессов заставляет Уайтингов быть весьма осторожными в своих выводах. «Прежде всего, данные этого исследования подсказывают, что ни одна из традиционных теорий, взятая в отдельности, не объясняет социального поведения детей. То, что мальчики более агрессивны и менее заботливы, чем девочки, не объясняется полностью ни биологической, ни культурной моделью. Дети каждой культуры уникальны в одних и сходны в других отношениях. Различия в средах научения (*learning environments*) приводят к различиям в социальном поведении детей; несмотря на это, все дети ищут помощи и внимания со стороны взрослых и предлагают помощь и поддержку малышам» (стр. 185).

Как самое крупное и современное междисциплинарное исследование детства, труд Уайтингов высоко ценится этносоциологами и психологами Запада. К числу его достоинств относятся широта постановки задачи, методическая тщательность полевых исследований, высокая культура статистической обработки данных и, разумеется, богатый эмпирический материал. Но нельзя не видеть также ограниченности этого исследования и его методов.

С социологической точки зрения, самое уязвимое место этой работы — абстрактная классификация обществ на простые и сложные, без выделения таких решающих моментов, как тип производства и отношения собственности, а в рамках классового общества — классовой принадлежности и социально-экономического положения изучаемых

семей. Недооценка первого из этих факторов связана с методологической ориентацией Уайтингов, а второго — с количественной незначительностью их выборки (если берет-ся всего 20 детей на «культуру», где уж тут учесть имущественное расслоение и другие особенности отдельной семьи).

Ряд критических замечаний можно высказать и с точки зрения этнографии. Интересующие этнографов этнические различия содержания и способов социализации детей далеко не всегда можно свести к особенностям социальных структур. Например, сравнивая обряды инициации, суммированные в «Этнографическом атласе» Мердока, Э. Бургиньон и Л. Гринбаум¹² нашли, что обрезание и иные способы хирургического воздействия на гениталии 12—15-летних мальчиков зафиксированы в 10% из 815 описанных обществ; однако в Африке эта цифра составляет 25%, а в Южной Америке такая практика неизвестна. Сегрегация мальчиков-подростков как момент инициации отсутствует в 61% из 611 описанных обществ, однако в Африке южнее Сахары эта цифра составляет только 22%, а на островах Тихого океана — 37%.

Отсюда вытекает прежде всего, что при выборке подлежащих сравнению культур следует учитывать региональные особенности и избегать того, чтобы какие-то обычаи были представлены непропорционально их бытованию в обществе, ибо это может привести к ложным обобщениям. Но за этим стоит также более общая методологическая проблема: наличие между сравниваемыми группами статистически значимой разницы в каких-то средних показателях вовсе не обязательно подтверждает гипотезы исследователя относительно того, чем вызываются или с чем связаны эти различия; заключение от различий между выборками к различиям в представленных ими популяциях нельзя механически экстраполировать на природу самого изучаемого социального или психологического явления¹³.

Вторая трудность, которую справедливо подчеркивает Э. Бургиньон, связана с выбором категорий, по которым кодируются данные наблюдения. «Изобретая такие категории, исследователь должен опираться на свое знание этнографической литературы, чтобы как можно полнее предвидеть встречающиеся культурные вариации и предусмотреть для них место в своей схеме. Непредвиденные вариации могут затруднить применение кодировочной системы или повлечь за собой искажение данных в результате попыток втиснуть их в заранее построенное прокрустово ложе»¹⁴. Это относится к психологическим категориям в еще большей степени, чем к этнографическим. Социальное поведение обычно описывается в таких терминах, как агрессивность, доминантность, потребность в достижении цели и т. п. Но эти понятия не имеют в современной психологии однозначного определения, и их соотношение друг с другом представляется по-разному. Чрезвычайно сложна и сама проблема взаимосвязи поведенческого акта (поступка), его мотива, социального значения и личностного смысла.

Метод наблюдения, принятый в исследовании Уайтингов, очень трудоемок, поэтому их выборка не могла быть большой. Но малое число охваченных детей ставит под сомнение широкие обобщения психологического порядка, во всяком случае — их строгость.

Сказанное, разумеется, не отменяет высокой научной ценности и информативности труда Уайтингов. Но хотя число сравнительных исследований этого типа постепенно увеличивается, оценивая состояние проблемы в целом, трудно не присоединиться к мнению Р. Ле Вина, высказанному несколько лет назад, что «транскультурное единообразие и вариации в социальных диспозициях и мотивах детей сегодня не поддаются адекватному обобщению»¹⁵. Междисциплинарная кооперация в этой области только еще начинается и нужны работы разных типов. Наряду с целенаправленными полевыми исследованиями, использующими метод непосредственного наблюдения или различные наборы психологических тестов, большую ценность представляют и работы более традиционного характера, основанные на вторичном анализе и обобщении эмпирических данных в свете современных научных представлений о детстве.

¹² См.: E. Bourguignon and L. Greenbaum. Diversity and homogeneity. A comparative analysis of societal characteristics based on the data of the ethnographic atlas.— «Occasional papers in anthropology», № 1. Columbus, Ohio State Univ., 1968 (цит. по: E. Bourguignon. Указ. раб., с. 1108, 1109).

¹³ См. R. Le Vine. Cross-cultural study in child psychology, p. 571.

¹⁴ E. Bourguignon. Указ. раб., с. 1107.

¹⁵ R. Le Vine. Cross-cultural study in child psychology, p. 587.

Чаще всего такие работы суммируют межкультурные данные относительно отдельных аспектов или способов социализации и ухода за детьми; например, какую роль в уходе за младшими сиблингами играют старшие дети¹⁶ или как выглядят взаимоотношения детей и подростков в сравнительно-психологической перспективе¹⁷. Однако нужны и более широкие, комплексные исследования мира детства в масштабе одного или нескольких этносов, включающие в себя системное описание: 1) символических представлений о жизненном пути и его этапах (возрастные категории в языке, принципы выделения тех или иных возрастных степеней, их продолжительность и т. п.); 2) взаимодействия основных институтов социализации (семьи, общества сверстников, специализированных институтов социализации, например школы, функционирующих на уровне общины или общества в целом, и неспециализированных форм социализации, например включения детей в общественно-трудовую деятельность взрослых); 3) способов воспитания и ухода за детьми в семье; 4) процессов и структуры возрастной стратификации; 5) форм и методов трудового воспитания; 6) половой социализации, усвоения системы половых ролей и связанных с ними стереотипов маскулинности и фемининности; 7) структуры и динамики межпоколенных отношений и способов трансмиссии культуры; 8) взаимодействия традиционных и современных способов социализации и их модификации у разных социальных слоев и групп.

Разумеется, попытка такого целостного описания сразу же наталкивается на лакуны в источниках. Однако это — лишь стимул для новых полевых исследований. Кроме того, этнографы работают не одни. Сравнительные исследования процессов социализации в современных обществах осуществляются также социологами и социальными психологами¹⁸. Очень важна в этом плане и возникшая в последние годы наряду с исторической демографией новая, междисциплинарная по своему духу и методам, история детства¹⁹.

Советская этнография также начала заниматься этими проблемами. Ю. В. Бромлей справедливо считает раскрытие этнической стороны происходящих в семье процессов социализации личности одной из насущных задач дальнейшего этнографического изучения современной семьи²⁰. В этом плане уже немало сделано²¹. Однако современные процессы социализации нельзя понять без основательного сравнительно-исторического изучения традиционных форм семьи, быта и этнопедагогики, исследования динамики семейных и внесемейных процессов социализации и т. д. Необходимое условие такой работы — тесная координация усилий этнографов, социологов, демографов, психологов и историков.

¹⁶ См., например: T. S. Weisner and R. Gallimore. My brother's keeper: child and sibling caretaking.— «Current anthropology», v. 18, № 2. June, 1977.

¹⁷ M. J. Konner. Relations among infants and juveniles in comparative perspective.— «Social science information», 1976, v. XV, № 2/3.

¹⁸ См., например: У. Бронфенбреннер. Два мира детства. Дети в США и СССР. М., 1976; D. B. Kandel, G. S. Lesser. Youth in two worlds. United States and Denmark. San Francisco, 1972; W. H. Holtzman, R. Diaz-Guerrero, J. D. Swartz. Personality development in two cultures. A cross-cultural longitudinal study of school children in Mexico and the United States. Austin and London, 1975.

¹⁹ См., например: L. de Mause (ed.). The history of childhood. N. Y., 1974.

²⁰ Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности.— «Сов. этнография», 1977, № 1, с. 16.

²¹ См., например: «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, гл. X.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Карпатский сборник. М., 1976, 152 стр.

В 1976 г. вышел в свет второй «Карпатский сборник», подготовленный Институтом этнографии АН СССР¹. И первый и второй выпуски этого издания являются по существу началом специальной серии исследований, которая в свою очередь составляет

¹ Первый выпуск «Карпатского сборника» вышел в свет в 1972 г.